

Общая газ. - 2000.
29 июня - 5 июля - с. 12

«Умей нести свой крест и веруй»

Во МХАТе им. Чехова
состоялась премьера
«Чайки»

ЭТОТ театральный сезон один из самых известных и почитаемых театров столицы завершает премьерой. После ухода из жизни Олега Николаевича Ефремова восстановление «Чайки» во МХАТе им. Чехова — акт символический. Впрочем, сам Ефремов собирался возродить свою постановку двадцатилетней давности на сцене родного театра. Премьера этой версии «Чайки» состоялась в 1980 году. Спектакль, поставленный О.Н. Ефремовым и оформленный В.Я. Левенталем, казалось, должен был стать «визитной карточкой» труппы. И все же последние несколько лет чеховский МХАТ жил без «Чайки». Известное каждому изображение птицы на занавесе театра оставалось лишь безмолвным знаком.

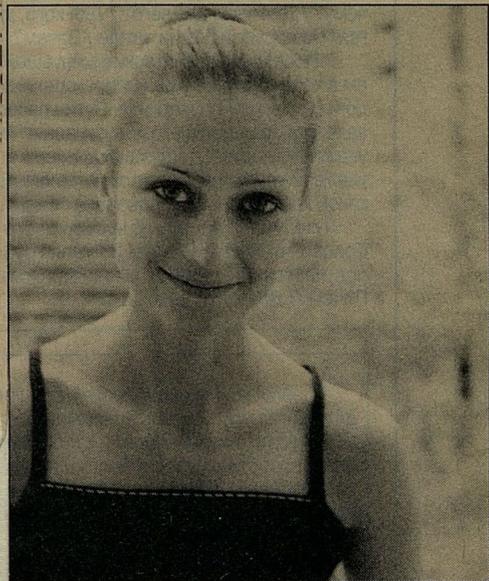
Парадокс истории. Ведь именно после постановки на сцене МХАТа чеховская пьеса обрела подлинное признание. За три года до этого в Александринском театре «Чайка» в общем-то провалилась. Пьеса была весьма нетрадиционна для того времени. И сам Антон Павлович писал ее, «страшно врав против условий сцены». Писал комедию, вышла, по его определению, повесть, а на сцене — трагедия. Более ста лет назад, в сезон 1898—1899 года, произведение с успехом пошло на сцене Московского Художественного Театра.

Репертуар МХАТа без этой пьесы выглядел, по крайней мере, странно. На сцене в тот или иной период были поставлены все пьесы классика русской литературы: ранний «Иванов» (постановка 1976 года), «Дядя Ваня» (1985), «Вишневый сад» (1989). «Три сестры» (1997) были последней работой Олега Николаевича Ефремова. Он считал Чехова самым «главным» своим автором. Наверное, поэтому играли во МХАТе и совсем раннюю и не слишком популярную «Пьесу без названия». Возрождение и восстановление «Чайки» — историческая справедливость, как помпезно бы это ни звучало.

Во МХАТе играют Чехова по-особенному, так, как его больше не сыграют нигде. Театроведы пишут о том, что «потребовалось выработать целую систему новых приемов, которые открыли и донесли до зрителя своеобразие эстетики Чехова». Вроде бы правильно, а в целом — пустые слова. Ощущение и понимание чеховских пьес — категории из ряда иррационального. Вот и в этой «Чайке», казалось бы, не происходит ничего особенного. Озеро на заднем плане сцены, чеховские женщины с высокими прическами и тонкими талиями, крики чайки. Примерно то, что есть в каждой его пьесе, то, что одновременно знакомо, но всегда переживается по-новому. Трагедия жизни и творчества, потерянное счастье и безответная любовь. Обо всем этом нам рассказывали в школе, расставляя по полочкам все происходящее. Нам разъясняли, в чем трагедия Треплева и почему так несчастен Тригорин. Заречная проходила «путь от беззаботной девочки к настоящей личности», «завоевав цену жертв ту самую истину».

Та самая истина — это, вероятно, восстановленная во МХАТе «Чайка». Спектакль, к счастью, лишен нашей хрестоматийной и бессмысленно-лафосной семантики. Актеры играют так, как, вероятно, это и должно быть. Спокойно, без лишнего и совершенно бессмысленного в данном случае надрыва. «Чайка» — пьеса внутреннего действия. В нынешней постановке играют лучшие актеры театра — заслуженные и народные. Здесь задействованы и Т.Е. Лаврова (Аркадина), и В.М. Невинный (Сорин), Б.В. Шербаков (Тригорин). Вместе с ними на сцене — молодые актеры, выпускники школы-студии МХАТа 1999 года — последний курс О.Н. Ефремова. Это Андрей Финягин (Треплев), Екатерина Королева (Маша), Эдуард Чекмазов (Медведенко).

Главное «открытие» этого спектакля — актриса Виктория Исакова (Нина Заречная). Ее биография в буклете к спектаклю уместается на двух строчках: закончила школу-студию МХАТ в 1999 году. Игра-

ет также в спектаклях МХАТа «Маленькие трагедии», «Амадей», «Горе от ума». Играла у Дмитрия Астрахана и Михаила Мокеева. Входит в группу актеров МХАТа, которую возглавляет Роман Козак. Сыграла балерину Карсавину в фильме «История террора в России». Роль Нины Заречной обязывает ко многому. В первой постановке в Александринском театре Заречную блистательно играла сама В.Ф. Комиссаржевская. Для начинающей актрисы подобная работа — это настоящая проверка. Ведь неискренности чувств и неточности игры зрители не прощают. В такой пьесе и в одной «упряжке» с такими актерами, как Лаврова и Невинный, к молодым приковано пристальное внимание. Но при первом появлении Исаковой на сцене сомнения, к счастью, рассеиваются. А это значит, что при внешней статичности сохраняется самое главное — внутренняя динамика постановки. Тонкая, с красивым грудным тембром Исакова — Заречная постоянно находится в центре спектакля. Она в точности выдерживает порой навязчивую «хрестоматийность»: меняется от романтической и даже моментами истовой юной девушки в первом акте к «познавшей жизнь» женщине во втором. В следовании знакомым и изученным контурам читаются традиции и преемственность — то, что составляет суть жизни Московского Художественного Театра.

Елена ВАСИЛЬЕВА